

**Под лупой комментария
(Жилищная политика Советского государства
и ее отражение в произведениях М.А. Булгакова)**

Мотив коммунальной квартиры развивается в прозе и драматургии М.А. Булгакова в связи с изображением разных событий и фигур: уплотнения и самоуплотнения, домкомов и жилтовариществ, квартхозов и квартуполномоченных, многого другого. В статье показано, как в созданной писателем картине мира отражаются разные стороны и динамика жилищной политики раннего Советского государства. Публикуемый материал собран в процессе работы над проектом «Универсальный цифровой комментарий к художественной литературе 1920-х годов» (НИУ ВШЭ; руководители Е.С. Абелюк, Е.М. Давыдова).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Произведения М.А. Булгакова, коммунальная квартира, уплотнение, домком, жилтоварищество.

E.S. Abelyuk

THROUGH THE LENSES OF THE COMMENTARY

(The housing policy of the Soviet state as reflected in the texts of M.A. Bulgakov)

The motif of a communal apartment evolves in Bulgakov's prose and plays in portrayal of various events and figures: government- compression of living space (uplotneniye) and self-compression (samouplotneniye), house committees (domkom) and tenant associations (zhiltovarishestvo), 'landlords' (kvarthoz), apartment's authority (kvartupolnomochenny), and much more. The article shows how different aspects and dynamics of the housing policies of the early Soviet state are reflected in Bulgakov's creative world. The published material was collected while working on the project "The Universal Digital Commentary on Fiction of the 1920s" (led by E. Abelyuk, E. Davydova, National Research University Higher School of Economics).

KEY WORDS: Bulgakov's texts, communal apartment, compression of living space, house committees, tenant associations.

Материал, который мы здесь публикуем, собран в процессе работы над проектом *«Универсальный цифровой комментарий к художественной литературе 1920-х годов»* (руководители Е.С. Абельюк, Е.М. Давыдова). Готовят его учителя-филологи — нынешние студенты и выпускники образовательной программы «Современная филология в преподавании литературы в школе» Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Работая над комментарием к повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» (а она входит в школьную программу по литературе), мы обнаружили, что для понимания широким читателем этого текста, изобилующего советизмами, сегодня необходим сплошной, или тотальный, комментарий [Чудаков: 211].

Нам представляется, что кроме прикладной задачи — пояснить незнакомые слова и реалии, обратить внимание читателя на детали и показать их содержательную значимость — такое комментирование может иметь академический интерес, причем даже в случае, если рассматривается хорошо изученный вопрос.

Попробуем показать это на примере мотива коммунальной квартиры, столь важного для творчества Булгакова.

Писатель фактически создал художественную энциклопедию жизни в коммунальной квартире в 1920-е годы прошлого века. Более того, по его книгам можно представить себе, как жилищная политика Советского государства развивалась во времени. Вспомним некоторые исторические обстоятельства и соотнесем их с произведениями писателя.

Уплотнение «социально чуждых». Коммунальные квартиры возникли после принятия декрета «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 года, в результате уплотнения — принудительного подселения рабочих, служащих, военных в квартиры «бывших людей», как называли состоятельных горожан-собственников.

Мотив уплотнения у Булгакова возникает неоднократно — один из примеров показывает, как это могло происходить:

...Петр Сергеич нанял прислугу и через неделю ее рассчитал, ан прислуга никуда не ушла! Потому что пришел председатель

правления и сказал, что она (прислуга) — член жилищного товарищества и занимает площадь, и никто ее не имеет права тронуть. Петр Сергеич, совершенно ошалевший, мечется теперь по всей Москве и спрашивает у всех, что ему теперь делать? А делать ему ровно нечего. У прислуги в сундуке карточка бравого красноармейца, бравшего Перекоп, и карточка жилищного товарищества. Крышка Петру Сергеичу! («Москва 20-х годов», 1924)¹.

Норматив жилой площади. «Формула заселения реквизируемых квартир в соответствии с ленинским определением „ $K = N + 1$ “, где K — количество комнат, а $N + 1$ — количество жильцов. То есть количество жильцов должно быть на одного больше, нежели количество комнат» [Меерович: 16]. При этом комнаты нередко разделяют фанерными перегородками для того чтобы подселить не одну семью, а две.

В очерке «Москва 20-х годов» Булгаков пишет:

Доктор Г., мой друг, явился ко мне на прошлой неделе с воплем: «Зачем я не женился?!» В устах его, первого и признанного женофоба в Москве, такая фраза заслуживала внимания. Оказалось, домовое управление его уплотнило. Поставило перегородку в его комнате и за перегородкой поселило супружескую пару. Председатель твердил одно: «Вот ежели бы вы были женатый, тогда другое дело...».

Уплотняли в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека. Динамика изменения нормативов была такой: в 1918 году на одного человека полагалось 10 м²; в 1919-м — 8–8,25 м². Норма могла варьироваться: в отдельных местах (например, в Москве) она доходила до 5,3 м². В произведениях Булгакова появляется одна цифра — 16 аршин.

Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть² («Собачье сердце», 1925);
[Манюшка] при кухне шестнадцать аршин имеет³ («Зойкина квартира», 1926).

Во всех случаях речь идет о квадратных аршинах, 16 квадратных аршин — это 8,09 м².

Кому давали жилплощадь. Существование стандарта жилплощади, выделяемой на одного человека, преподносилось

населению как воплощение принципа равенства. Однако государственная справедливость была, конечно, мифической. «Социально чуждые» и «социально близкие» были в очень разном положении. Первых уплотняли и поначалу выселяли очень жестко. В течение ряда лет было принято несколько декретов и инструкций, ущемляющих права лиц с «нетрудовыми доходами», то есть зарабатывающих деньги неподконтрольным государству способом — наемным трудом, торговлей, процентами с капитала и т. д. В том числе запрещалось давать им «муниципализированную» площадь. «Трудящиеся» были в ином положении — их права закон защищал⁴.

Когда профессор Преображенский узнает, что домком поддерживает Шарикова, он удивляется:

Итак, что говорит этот ваш прелестный домком? — Что ж ему говорить? Да вы напрасно его прелестным ругаете. Он интересы защищает. — Чьи интересы, позвольте осведомиться? — Известно чьи. Трудового элемента. — Филипп Филиппович выкатил глаза. Почему вы — труженик? — Да уж известно, не эппман. — Ну, ладно. Итак, что же ему нужно в защитах вашего трудового интереса?

Владелец дома Эльпит выселен и «без всяких признаков жизни» сидит «в двух комнатных на другом конце Москвы»⁵ («№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна», 1922):

«Павловна грозила, что она подаст „заявку“ в правление, чтобы меня выселили. „Ежели кому не нравится, пусть идет туда, где образованные“»⁶ («Самогонное озеро», 1923). «В три часа ночи явился Иван Сидорыч. Публично заявляю: если бы я был мужчина, а не тряпка, я, конечно, выкинул бы Ивана Сидорыча вон из своей комнаты. Но я его боюсь. Он самое сильное лицо в правлении после председателя. Может быть, выселить ему и не удастся (а может, и удастся, черт его знает!), но отравить мне существование он может совершенно свободно. Для меня же это самое ужасное. Если мне отравят существование, я не могу писать фельетоны, а если я не буду писать фельетоны, то произойдет финансовый крах» (Там же).

Очередь для «социально близких». Для тех, кого вселяли в коммунальную квартиру, препоны тоже существовали. В том числе очередь (к концу существования советского государства в очереди «на улучшение жилищных условий»

можно будет простоять многие годы, но речь тогда все-таки пойдет об отдельных квартирах, а не о коммунальных):

Я отправился в жилотдел и простоял в очереди 6 часов. В начале седьмого часа я в хвосте людей, подобных мне, вошел в кабинет, где мне сказали, что я могу получить комнату через два месяца⁷ («Воспоминание...», 1923).

Самоуплотнение. С началом НЭПа жилищная политика изменилась. 25 января 1920 года *Декретом СНК РСФСР «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»* административное выселение было отменено. И введено самоуплотнение: это значит, что жильцов обязали в течение двух недель искать себе соседей на «лишние метры»; если же до окончания этого срока никто не находился, проводилось принудительное уплотнение.

Сюжетный ход, построенный на самоуплотнении, использовался Булгаковым как способ сатирического изображения героев:

С Плющихи он (хозяин квартиры, спасающийся от уплотнения, у которого рассказчик оказался в гостях. — *Прим. Е.А.*) привез Зинаиду Ивановну и поселил ее в бывшей спальне, комнате на солнечной стороне. Кузен приехал через три дня из Минска. Он кузена охотно и быстро приютил в бывшей приемной (из передней направо) и поставил ему черную печечку. Затем пятнадцать пудов муки он всунул в библиотеку (прямо по коридору), запер дверь на ключ, повесил на дверь ковер, к коврику приставил этажерку, на этажерку пустые бутылки и какие-то старые газеты, и библиотека словно сгнула — сам черт не нашел бы в нее хода. Таким образом, из шести комнат осталось три. В одной он поселился сам, с удостоверением, что у него порок сердца, а между оставшимися двумя комнатами (гостиная и кабинет) снял двери, превратив их в странное двойное помещение. <...> Три года люди в серых шинелях и черных пальто, объединенных молью, и девицы с портфелями и в дождевых брезентовых плащах рвали в квартиру, как пехота на проволочные заграждения, и ни черта не добились»⁸ («Московские сцены (На передовых позициях)», 1923).

Другой пример встречаем в пьесе «Зойкина квартира»: в многокомнатной квартире Зои Денисовны Пельц под видом

племянницы живет ее прислуга Манюшка, а также кто-то, якобы находящийся в командировке. Это дает основания председателю домкома Аллилуе обвинить Зою в том, что она прикрывается мифической личностью, потребовать самоуплотнения и пригрозить немедленным уплотнением.

В результате прислуга Манюшка будет объявлена племянницей, имеющей право на площадь.

Домкомы и жилтоварищества. Бесхозное жилье, национализированное еще в 1918-м, к началу 1920-х годов оказалось в плохом состоянии. Ситуацию нужно было исправлять: для того, чтобы жильцы бережно, рачительно эксплуатировали здания, людей необходимо было чем-то заинтересовать. Тогда-то и были созданы жилтоварищества (*Инструкция НКВД РСФСР № 478 от 14 ноября 1921 года*). Членом мог стать каждый взрослый, проживающий в доме, если он не был лишенцем, то есть человеком, ограниченным в гражданских и политических правах.

Перед жилтовариществами была поставлена задача самостоятельно вести хозяйство, с этой целью им была дана финансовая свобода.

Новые порядки отражены у Булгакова. Например, когда герой романа «Мастер и Маргарита», председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой размышляет над выгодным предложением Коровьева на неделю поселить в доверенном ему доме иностранного артиста Воланда (выгодным потому, что за эту сделку он может получить пять тысяч рублей), ему приходится иметь в виду, что полезным это все-таки может быть и для товарищества — нужны деньги для покупки топлива:

Дело в том, что в жилтовариществе был, увы, преизрядный дефицит. К осени надо было закупать нефть для парового отопления, а на какие шиши — неизвестно. А с интуристскими деньгами, пожалуй, можно было и вывернуться⁹.

Тот же Никанор Иванович после гибели Берлиоза может распорядиться тремя его комнатами, которые теперь отошли к товариществу (неслучайно на них поданы тридцать два заявления от претендентов на жилплощадь покойного). А вот использовать временно свободные комнаты директора Варьете Лиходеева, отправленного Воландом в Ялту, он не имеет права: по Декрету СНК РСФСР «Об условиях и сроках

хранения права на жилую площадь за временно отъезжающими» от 8 декабря 1926 года «за лицами, временно выехавшими из места постоянного их жительства, сохраняется право на жилую площадь в течение трех месяцев». Любопытно, что через три месяца председатель жилтоварищества имел бы право подселить в эти комнаты кого-то по своему усмотрению.

До жилтовариществ в России уже существовал опыт домового самоуправления. Это домкомы, или домовые комитеты; после октябрьских событий 1917 года они учреждались в соответствии с Постановлением НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» от 30 октября 1917 года. Круг обязанностей у них был более узким, чем у жилтовариществ, — например, они не собирали квартплату. Впрочем, в народе правления жилтовариществ еще долго продолжали называть домкомами. Это отразилось в повести «Собачье сердце»: швейцар сообщает профессору Преображенскому, что на общем собрании жильцов появилось «новое товарищество», между тем его члены, явившиеся к Филиппу Филипповичу, чтобы его уплотнить, именуются домкомом, и тут же — «жилтоварищцами».

Кроме хозяйственных задач домкомы и правления жилтовариществ выполняли функцию, связанную, так сказать, с государственной безопасностью: они должны были следить за жильцами, проводить воспитательные беседы, не допускать укрывательства «врагов» (белогвардейцев, «шпионов»). Эти общественные организации подчинялись государственным органам власти (исполкомам, милиции), откуда и получали указания. За неисполнение их могло последовать наказание, вплоть до ареста и революционного суда. К тому же со временем власти старались все больше контролировать социальный состав домоуправлений.

И герой пьесы Булгакова Аллилуя говорит:

Ты, Марья, дурака не валяй. Ваши дела нам очень хорошо известны. В домкоме все как на ладони. Домком око недреманное. Поняла? Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены («Зойкина квартира»).

ЖАКТы. После 1917 года в жилищном хозяйстве все время шел поиск форм самоуправления. После домкомов, домкомбедов (домовых комитетов бедноты) и жилтовариществ по Постановлению ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 года возникли ЖАКТы

(жилищно-арендные кооперативные товарищества). Они существовали долго, вплоть до 1937 года.

Оказавшись на месте Иоанна Грозного и подписывая за царя указ, герой пьесы Булгакова «Иван Васильевич» (1936) Бунша-Корецкий заверяет свою подпись печатью ЖАКТа. Оказалось, что этот атрибут власти управдома всегда при нем. А войдя в роль вершителя судеб государства, он сообщает, что «уже наметил кое-какие мероприятия и решил, что надо будет начать с учреждения жактов».

Общее собрание жильцов. Домкомы и правления жилтовариществ выбирались общим собранием жильцов¹⁰.

Мотив общего собрания жильцов возникает в ряде произведений Булгакова. Так, председатели домкома — Швондер в «Собачьем сердце» и Аллилуя в «Зойкиной квартире» — ссылаются на решение собрания, требуя освободить комнаты для уплотнения.

Мы <...> пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома. <...> Вы один живете в семи комнатах, —

говорит профессору Преображенскому Швондер. Слова Анисима Зотиковича Аллилуи свидетельствуют еще и о том, что от решения собрания зависит его административная карьера — и он спешит поставить Зою в известность, что срок самоуплотнения проходит:

...мне из-за вас общее собрание сегодня такую овацию сделало, что я еле ноги унес. Бабы врут — ты, говорят, Пельц укрываешь. Ты, говорят, наверное, с нее взятку взял. А я — не забудьте — кандидат. <...> Постановили вас уплотнить. А половина орет, чтобы и вовсе вас выселить.

По-видимому, собрание должно выдвинуть председателя домкома на какую-то должность. Можно, например, предположить, что это оплачиваемая должность коменданта. Обычно именно общее собрание дома предлагало кандидатов на эту позицию районному совдепу.

Для героев булгаковской пьесы «Иван Васильевич» общее собрание тоже высокая инстанция. Управдом Бунша-Корецкий опасается неудовольствия собрания жильцов: «Как я покажусь на глаза общему нашему собранию?»¹¹ — говорит

он. И другой герой той же пьесы, Антон Семенович Шпак, угрожая неприятностями Иоанну Грозному, которого принимает за Буншу-Корецкого, ссылается на собрание. Обращаясь к управдому, он заявляет: «Мы на вас коллективную жалобу подадим!»

В упомянутых пьесах общее собрание — некий абстрактный, внесценический персонаж; в «Собачем сердце» сцен с общим собранием тоже нет, но читатель его себе представляет уже куда конкретнее — благодаря хоровому пению. Эта деталь среди прочих помогает почувствовать ту язвительно-насмешливую интонацию, с которой автор говорит о заседаниях жильцов.

Председатели домкома и жилтовариществ и управдом. Правление, выбранное общим собранием жильцов, возглавлял председатель. Он же заправлял делами и в домовом комитете.

Булгаков изображает такое лицо неоднократно. Эскизно — в рассказе «Воспоминание...»: здесь это высокомерный, «толстый, окрашенный в самоварную краску человек в барашковой шапке и с барашковым же воротником», окруженный членами домового управления в таких же шапках. Он не желает прописывать героя, а, получив бумагу с разрешающей высокой резолюцией, немедленно прописывает.

В других произведениях писателя председатели показываются разवरнуто.

В повести «Собачье сердце» Швондер не просто чинуша, которого больше всего на свете волнуют документы Шарикова и прописан тот или нет. Требуя от профессора Преображенского освободить комнаты, он ведет себя враждебно и агрессивно: разговаривает, «сверкая глазами», постоянно «меняясь в лице», «то вспыхивая, то угасая», с «желтенькими искрами» в глазах. Это не рядовое хамство — как выясняется, он «пишет всякие бессмысленные пасквили в газетах...». Фигура Швондера словно вырастает у нас на глазах: за этим маленьким человеком сила, и он чувствует себя хозяином жизни. В результате персонаж, который мог бы выглядеть только карикатурно, оказывается олицетворением советской власти.

Председатель домкома Анисим Зотикович Аллилуя из пьесы «Зойкина квартира» — взяточник и мошенник; как говорит сама хозяйка Зоя Пельц, он «спец по червонцам», знает толк и в фальшивых деньгах. Он ловко пользуется своим должностным положением и разврощен властью. Помогает Аллилуе хорошо освоенный язык советских идеологических

ярлыков, которые он с легкостью использует. Когда выгодно, произносит: «Вы социально опасный элемент», представляется как «лицо должностное, неприкосновенное», защищается фразой: «Я, товарищи, человек малосознательный, от станка». Любопытно, что в конце концов он оказывается в роли обвиняемого, однако не за свои проделки, а по случайности — в новом обществе положение любого человека ненадежно.

Еще один домовый руководитель — Бунша-Корецкий из пьесы «Иван Васильевич» — прекрасно приспособился к обстоятельствам новой советской жизни: дворянин по происхождению, он выдает себя за пролетария и ведет себя сообразно должности, которой очень гордится, — он управдом (в пьесе «Блаженство» (1934) — секретарь домоуправления).

Каждый свой шаг Бунша-Корецкий согласовывает с милицией. «Я передовой человек», — говорит он о себе. И еще: «Я — лицо, занимающее ответственнейший пост управдома, и обязан наблюдать». Изобретатель Тимофеев не стесняется сказать ему: «Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете и, главное, врете!» Неожиданный поворот сюжета заостряет ситуацию и показывает, чего стоит «сознательность» героя: Бунша-Корецкий попадает в XVI век, во времена царствования Иоанна Грозного, оказывается на его месте, постепенно начинает играть роль царя с удовольствием — и уже готов отказаться от пролетарского происхождения.

Управдом — не выбираемая должность, в отличие от председателя домкома или жилтоварищества; это служащий, которого нанимало на работу правление. Может показаться, что разница не кажется писателю принципиальной — и перед читателем еще один советский начальник, не лучше и не хуже других его «председателей». Однако в изображении этой фигуры есть одна конкретно-историческая деталь, которая связана как раз с деятельностью управдома: булгаковский Бунша устанавливал радиоточки в квартирах, а потом возмущался, что жильцы «упорно не пользуются радио». И действительно, с середины 1920-х годов в СССР создавалась трансляционная сеть массового вещания. С 1927 года радиоточки с громкоговорителями-рупорами устанавливались в квартирах [Гуревич, Ружников: 168]. Радио работало на пропаганду и максимально рекламировалось. Занимался этим управдом.

Конфликты и правила внутреннего распорядка.

Пока было разрешено самоуплотнение, состав жильцов в квартирах мог быть сравнительно однородным. Хотя и тогда

повлиять на выбор соседей можно было далеко не всегда. В 1929 году, когда самоуплотнение было отменено, это и вовсе стало невозможно.

В 1927 году были приняты «Правила внутреннего распорядка в домах и квартирах»¹², регулировавшие отношения между соседями коммунальной квартиры, а также — во исполнение Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7 марта 1927 года — созданы Примирительно-конфликтные комиссии по жилищным делам. Однако это не помогало. Бесконечные конфликты между людьми с неодинаковыми жизненными представлениями и разной бытовой культурой были неизбежны.

И у Булгакова видим сюжетный мотив коммунальной войны.

А некий молодой человек, у которого в «квартире» поселили божью старушку, однажды в воскресенье, когда старушка вернулась от обедни, встретил ее словами: «Надоела ты мне, божья старушка!» И при этом стукнул старушку безменом по голове («Москва 20-х годов»).

Здесь же:

Поймите все, что этот человек может сделать невозможной жизнь в любой квартире, и он ее сделал невозможной. Все поступки В.И. направлены в ущерб его ближним, и в кодексе Республики нет ни одного параграфа, которого бы он не нарушил. Нехорошо ругаться матерными словами громко? Нехорошо. А он ругается. Нехорошо пить самогон? Нехорошо. А он пьет. Буйствовать разрешается? Нет, никому не разрешается. А он буйствует. И т. д. Очень жаль, что в кодексе нет пункта, запрещающего игру на гармонике в квартире. Вниманию советских юристов: умоляю ввести его! Вот он играл. Говорю играл, потому что теперь не играет. Может быть, угрызения совести остановили этого человека? О, нет, чудачки из Берлина: он ее пропил.

Соседи доносят друг на друга, в том числе для того, чтобы завладеть чужой площадью. Так, Шариков пишет донос на профессора Преображенского («Собачье сердце»), а Алоизий Могарыч доносит на Мастера и того, по-видимому, арестовывают, а когда он, «с оборванными пуговицами», возвращается к подвальчику, то обнаруживает, что в его комнате уже живут: здесь горит свет и звучит патефон («Мастер и Маргарита»).

Борьба с разрушением жилищ. Чтобы остановить развал муниципализированных жилищ, Совет народных комиссаров принял декреты «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ» (23 мая 1921 года) и «О привлечении населения к ремонту водопровода, канализации, газового и центрального отопления в муниципализированных домах» (18 июля 1921 года). Жильцам теперь предписывалось контролировать работу своего домового комитета и делать все возможное для сохранности дома.

Когда говорят о мотиве разрухи у Булгакова, обычно вспоминают слова профессора Преображенского, сказанные им доктору Борменталю:

...воздержитесь от употребления самого этого слова. Это — мираж, дым, фикция. <...> Что такое эта ваша «разруха»? Ста-руха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует! <...> разруха сидит не в клозетах, а в головах («Собачье сердце»).

Возникает этот мотив и в других произведениях писателя. В рассказе «№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна» великолепный частный дом после революции превращается в «Рабкоммуну»; он заселен новыми жильцами. Хозяина не стало — результат налицо: «поперек гостиных протянулись веревки, а на них — сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем и ночью плыл по лестницам щиплющий чад».

Булгаков рисует почти апокалиптическую картину, все разрушается на глазах: на лестничных площадках исчезают лампы, лифты перестают работать, паркет жгут... Кажется, чтобы спасти жилье, достаточно правил, достаточно контроля. Бывший управляющий дома Эльпита Христи, душу вложивший в этот дом,

...ходил каждый день, в особенности в пятый этаж. Зорко глядел, чтобы не наставили черных буржук, не вывели бы труб в отверстия, что предательски-приветливо глядели в углах комнат под самым потолком.

Христи «мучил» правление

до тех пор, пока оно не выделило из своей среды Нилушкина Егора, с титулом «санитарный наблюдающий». Нилушкин Егор два раза в неделю обходил все 75 квартир.

Однако в бесхозном мире новых людей, где никому ничего не нужно, не помогает ничто — тот, кто должен сохранять, разрушает сам; пассаж о «санитарном наблюдающем» заканчивается словами «И с уличенных брал дань». И в конце концов в прошлом роскошный дом исчезает в пожаре.

Отметим, что Булгаков ведет речь не только об упадке домового хозяйства — речь о распаде мира в целом.

Квартхоз (квартирохозяин), квартиросъемщик (съемщик, квартиронаниматель), квартуполномоченный (ответственный квартиросъемщик, ответственный съемщик). Новояз в полной мере отражал бюрократизацию советской жизни, в том числе ее жилищной сферы.

Понятие *квартхоза* или *квартирохозяина* появляется в годы НЭПа: «в городах возродился Институт квартирохозяев и даже домохозяев, имевших право сдавать или продавать жилую площадь» [Лебина: 97]. Институт этот по своим масштабам был, конечно, очень ограниченным — в собственность «бывшим» перешла очень незначительная часть жилья. Но купить комнату все-таки было возможно, хотя по карману — очень немногим:

— Больше я не могу. Сделай, что хочешь, но мы должны уехать отсюда. — Детка, — ответил я в отчаянии. — Что я могу сделать? Я не могу достать комнату. Она стоит 20 миллиардов, я получаю четыре. Пока я не допишу романа, мы не можем ни на что надеяться. Терпи («Самогонное озеро»).

Для большинства людей жилище все-таки перестало быть собственностью — и возникло понятие *квартиросъемщик*, он же *съемщик*. *Ответственными квартиросъемщиками* называли тех, кто представлял квартиру в домовой администрации. Специально для коммунальной квартиры было введено также понятие *квартуполномоченный*. О значении этой фигуры Н.Б. Лебина, исследовательница истории российской повседневности, писала: «„Квартуполномоченный“ — основной персонаж советской трагикомедии под названием „Коммунальная квартира“, появившийся сначала в немногочисленных домах-коммунах. Это произошло летом 1921 года, когда НКВД РСФСР принял совместно с Наркомздравом инструкцию „О мерах улучшения жилищных условий рабочих“» [Лебина: 107].

Квартуполномоченный — тот же квартиросъемщик, однако в глазах власти наделенный особыми полномочиями,

а следовательно, лицо влиятельное. Он следил за соблюдением «правил общежития» жильцами, за сохранностью квартиры, ее своевременной оплатой (Инструкция НКВД по применению постановления ВЦИК и СНК «О плате за пользование жилыми помещениями» от 13 июня 1923 года, принята 21 июня 1923 года). Была у него и еще одна задача — присматривать за жильцами и, если что, информировать о происходящем вышестоящие органы, прежде всего жилищную администрацию. Мало того, что в коммунальной квартире жизнь всегда на виду, начиная с 1929 года по Положению об ответственных уполномоченных жильцы были обязаны предоставлять старшим по квартире сведения о себе — о своем положении и заработке.

В больших квартирах квартуполномоченного выбирали. В начале 1920-х такой статус еще могли получать бывшие хозяева квартир, однако очень скоро городские жилотделы спохватились и стали присылать на собрания инспекторов, направлявших ход выборов [Кириллова: 147], — и очень быстро все изменилось. Так что квартуполномоченный *«был представителем советской власти на квартирном уровне»* [Лебина: 108].

Булгаковский Шариков, освоивший бюрократический советский язык, заявлял о своих требованиях на жилплощадь:

Член жилищного товарищества, и жилплощадь мне полагается определенно в квартире номер пять у ответственного съемщика Преображенского в шестнадцать квадратных аршин...

Сам профессор, конечно, чувствовал себя хозяином своей квартиры, а не ответственным съемщиком.

Обладавший властью над жильцами, ответственный квартиросъемщик коммунальной квартиры был зависим от сильных мира сего, его беспомощность перед лицом всесильных организаций показана М.А. Булгаковым в фельетоне «Бурнаковский племянник» (1924). Бурнаков, дядя, получил ответственный пост, и с его племянником, вселенным в коммунальную квартиру, никто не может справиться — ни секретарь домовой ячейки, ни квартиросъемщик («бывший квартхоз», как говорит о нем писатель), и уж тем более не могут справиться жильцы. Этот вор и хам делает, что хочет, а когда — во время устроенных танцев — в квартире под ним рухнула штукатурка и *«снизу пришли, бурнаковский племянник пригрозил, что пожалуется в Ге-пе-у»*¹². К счастью, дядю Бурнакова сняли, и это спасло жильцов.

Бессильным перед дебоширами оказывается квартхоз из фельетона Булгакова «Три вида свинства» (1924). А квартхоз Василий Иванович из рассказа «Самогонное озеро» не только не может справиться с напившимся хулиганом, проникшим в чужую квартиру и ощипывающим перья живого петуха, но и сам напивается и бесчинствует: «выбил все стекла, избил жену — и свой поступок объяснил тем, что она заела ему жизнь». Не лучше оказался и вызванный по этому случаю председатель домкома — он высказался следующим образом: «Удивляюсь я тебе, Василь Иваныч. Глава дома — и не можешь с бабой совладать». В результате дело чуть не кончилось смертоубийством.

Здесь ставим точку, хотя уместнее было бы поставить многоточие, так как список конкретно-исторических фактов, связанных с жилищной политикой молодого советского государства, ставших предметом художественной рефлексии Булгакова, можно было бы продолжить.

Нам очевидно, что открытий в нашей статье нет и большая часть отмеченных позиций по отдельности описывалась коллегами, правда, без соотнесения с историческими документами. Вместе с тем рассмотрение их в совокупности представляет системность взгляда Булгакова в отображении реальной картины мира. И, конечно, еще раз показывает, на какой почве вырастает гротескный мир его произведений.

Примечания

- 1 Здесь и далее текст очерка цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Москва 20-х годов // Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. М.: Художеств. лит., 1989. С. 435–446.
- 2 Здесь и далее текст повести цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Собачье сердце // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 119–211.
- 3 Здесь и далее текст повести цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Зойкина квартира // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 3. С. 77–149.
- 4 Декрет СНК от 27 апреля 1922 года «О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ»; Декрет СНК от 8 мая 1922 года «О дополнении к декрету Совета Народных Комиссаров от 27 апреля 1922 г. „О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ“»; Декрет ВЦИК

и СНК от 9 января 1924 года «О выселении граждан из занимаемых ими помещений»; Постановление СНК от 15 ноября 1927 года «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях»; Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 года «О жилищной политике»; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «Об ограничении проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных и национализированных домах и о выселении бывших домовладельцев из национализированных и муниципальных домов». См. также: *Меерович М.Г.* Власть и жилище: жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах // Вестн. Евразии. М., 2003. № 1. С. 5–66.

5 Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* № 13. — Дом Элит-Рабкоммуна // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 242–250.

6 Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Самогонное озеро // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 320–325.

7 Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Воспоминание... // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 378–383.

8 Здесь и далее текст цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Московские сцены (На передовых позициях) // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 289–295.

9 Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 5. С. 7–387.

10 Инструкция по перевыборам домовых комитетов // Северная коммуна. 1919. 19 нояб. (№ 263). С. 1. См. также: *Пиир А.М.* (Само)управление в петроградских/ ленинградских жилых домах. 1. Домовые комитеты (1917–1921) // Антропологический форум — online. СПб., 2012. №17. С. 175–218. — URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/017online/piir.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

11 Здесь и далее текст пьесы цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Иван Васильевич // Булгаков М.А. Указ. соч. Т. 3. С. 423–463.

12 Опубликованы в журнале «Жилищное дело» (1927. № 3. С. 13).

13 Здесь и далее текст фельетона цитируется по изданию: *Булгаков М.А.* Бурнаковский племянник // Булгаков М.А. Повести. Рассказы. Фельетоны. М.: Сов. писатель, 1988. С. 101–105.

Литература

Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание. Страницы истории. М.: Искусство, 1976. 382 с.

Кириллова Е.А. Городское хозяйство в период становления нэпа 1921–1925 гг. (по материалам Петрограда-Ленинграда): дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2015.

Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 482 с.

Меерович М.Г. Наказание жилищем : жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 304 с.

Пицр А.М. (Само)управление в петроградских/ ленинградских жилых домах. 1. Домовые комитеты (1917–1921) // Антропологический форум — online. СПб., 2012. № 17. С. 175–218.

Чудаков А.П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 210–237.